ГОРОДА АЗЕРБАЙДЖАНА И ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ В XVII—XVIII вв.

А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ

История городов Азербайджана и Армении в позднее средневековье до сих пор изучена крайне недостаточно. Существующие работы по истории отдельных городов (Тебриза [1], Ганджи [2]) посвящены главным образом политической и архитектурной истории их и в очень малой степени касаются их внутренней, социально-экономической жизни. Исключение составляет книга Шахазиза «Старый Ереван» [3], в которой собран ряд сведений и по социально-экономической жизни Еревана. История городов Восточного Закавказья в рассматриваемый период затронута в работах И. П. Петрушевского [4], В. Н. Левиатова [5] и некоторых других.

В настоящее время в Институте истории АН Азербайджанской ССР подготовлена к защите диссертация Ф. Алиева «Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII в.», основы которой изложены в статьях [6] и в автореферате [7] указанного автора. Чрезвычайно интересна недавно вышедшая монография В. А. Абрамян [8], в которой автор детально исследовал на основании материальных и письменных источников развитие ремесел в Армении в период средневековья.

В настоящей статье делается попытка на основании опубликованных и архивных источников осветить некоторые вопросы социально-экономической жизни городов Азербайджана и Восточной Армении в XVII—XVIII вв. Прежде всего это вопрос об экономике городов, социальном составе их населения и роли различных социальных групп в жизни городов и страны в целом. Широта хронологических рамок исследования объясняется крайней скудостью сведений, содержащихся в исторических источниках. К тому же при данной постановке вопроса имеется некоторая возможность показать процессы социально-экономической жизни го-

[1] Надир-Мирза. Тарих ва джографий-е дар-ас-салтанэ-йе Тебриз, Тегеран, 1323 г. х. (1906-7 г.).

[2] М. М. Альтман. Исторический очерк города Ганджи, Баку, 1949.

[3] Е. Шахазиз. Старый Ереван, Ереван, 1931 (на арм. яз.).

[4] И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении XVI — начала XIX в., Ленинград, 1949; Его же. Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. «Труды Института истории имени А. Бакиханова АН Аз.ССР», т. 1, 1947.

[5] В. Н. Левиатов. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в., Баку, 1948.

[6] Ф. Алиев. Городское население и местная городская торговля Азербайджана во второй половине XVIII в. «Труды Института истории имени А. Бакиханова АН Аз.ССР», т. XIII, 1957; Его же. К вопросу о ремесленных организациях Азербайджана во второй половине XVIII в. «Известия АН Аз.ССР», т. 8, 1957; Его же. Торговые пути сообщения Азербайджана во второй половине XVIII в. «Доклады АН Аз.ССР», 1957, № 8.

[7] Ф. Алиев. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII столетия, Баку, 1957.

[8] В. А. Абрамян. Ремесла в Армении IV—XVIII вв., Ереван, 1956 (на армянск. яз., резюме на русск. яз.).

родов в их развитии. По тем же причинам Северный (советский) и Южный (иранский) Азербайджан рассматриваются вместе. Кроме того, обе эти части необходимо изучать вместе, «так как в позднем средневековье их социально-экономическая структура одинакова, а исторические судьбы были тесно связаны» [9].

В XVII — первой половине XVIII в. на территории Азербайджана и Восточной Армении существовало всего около сорока городов. Все они являлись экономическими (торговыми и ремесленными) центрами — одни в масштабе всей Кызылбашской державы, в состав которой входили в то время Азербайджан и Ереванская область (Тебриз, Ереван, Шемаха, Ганджа, Акулис), другие — в рамках местных областей (Нахичеван, Баку и др.).

По величине и значению эти города были различны. Самым большим из них был Тебриз. В конце XVI — начале XVII в. в Тебризе было около 100 тыс. жителей [10]. Город Ганджа в первой половине XVII в. занимал территорию в 1 фарсанг (6—7 *км*) в длину и 0,5 фарсанга (3—3,5 *км*) в ширину [11]. Одна только северная часть г. Шемахи в первой половине XVII в. равнялась примерно Лейпцигу, а она была меньше южной [12]. Судя по сведениям турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, в городах Азербайджана и Восточной Армении в середине XVII в. насчитывалось не менее 5000 жителей в каждом [13]. В XVIII в. в связи с общим экономическим упадком страны, частыми разорительными войнами и по другим причинам число жителей в городах уменьшилось. Например, в Тебризе в начале XIX в. было около 50 тыс. жителей [14].

Развитие городов зависело от ряда причин как внутреннего, так и внешнего порядка и в первую очередь от степени развития товарного производства и общественного разделения труда в рамках данного района. Процесс формирования мелких местных рынков зашел довольно далеко, и именно следствием развития товарного хозяйства, хотя и опутанного многочисленными сетями натурального хозяйства в его различных формах, явился рост городов как экономических центров. Второй причиной, способствовавшей развитию городов, была внешняя и транзитная торговля. В последнем случае развитие города зачастую определялось его географическим положением. Но крупнейшие города Закавказья XVII—XVIII вв., такие, как Тебриз, Шемаха, Ганджа, Ереван и др., являлись одновременно экономическими центрами своих областей, страны в целом и в то же время важнейшими центрами внешней торговли.

Кроме причин чисто экономического порядка, большую роль в процветании или упадке городов, а зачастую и в самом их существовании играли факторы внешнего или, во всяком случае, не экономического порядка, такие, как войны, феодальные усобицы (особенно в XVIII в.), землетрясения и эпидемии, наносившие огромный ущерб производительным силам городов и страны в целом.

Для всех городов Азербайджана и Армении общей чертой был их полудеревенский характер. Процесс отделения ремесла от земледелия, города от деревни здесь чрезвычайно затянулся. Даже города, существовавшие уже в течение многих столетий, являлись не только центрами ремесла и торговли, но в их экономике одновременно важную роль играло садоводство, огородничество и даже зерновое земледелие. Как

---

[9] См. А. А. Али-Заде. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 9.

[10] Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т. I, Тегеран, 1956-57, стр. 307.

[11] «Хулясат-ас-сийяр», рук. ЛГПБ, каталог Дорна, № 303, 123.

[12] А. Олеарий. Подробное описание путешествия посольства в Москву и Персию, М., 1870, стр. 554.

[13] См. Эвлия Челеби. Книга путешествия, Стамбул, 1314 г. х. (1896-97 г.), т. II, стр. 236—314.

[14] A. Jaubert. Voyage en Arménie et en Perse, Paris, 1821, p. 158.

видно из описания Эвлия Челеби, а также европейских путешественников, во всех городах Закавказья огромные площади были заняты садами. Отдельные города даже специализировались на разведении определенных садовых культур. В частности, г. Ордубад в XVII в. славился своими гранатами, которые вывозились во все города и местечки Азербайджана, Аррана, Ширвана и Грузии [15]. В Нахичеване в середине города были засеяны хлебом большие поля [16].

Вопрос о городском населении, в свою очередь тесно связанный с вопросами городской экономики и социальной жизни, является одним из малоисследованных. Трудность его изучения — главным образом в ограниченности источников.

Население городов Азербайджана и Восточной Армении XVII—XVIII вв. в основном составляли две национальности: азербайджанцы и армяне. Кроме них, здесь проживали персы и евреи, а в г. Ереване — небольшое число цыган [17]. Армяне составляли значительный процент населения в городах не только Ереванской области, но и Азербайджана [18].

По своему социально-экономическому положению население городов Азербайджана и Восточной Армении XVII—XVIII вв. можно разделить на шесть категорий: 1) светские военно-землевладельческие феодалы, 2) духовенство (мусульманское и христианское), 3) купечество, 4) ремесленники, 5) крестьяне, 6) прочие слои городского населения (разорившиеся крестьяне и ремесленники, различного рода поденные рабочие и др.). Такое деление условно, поскольку иногда бывает трудно разграничить, например, мелкого купца и ремесленника — обладателя лавки на рынке, который сам сбывает свои товары. В то же время внутри каждой из этих категорий существовали различные подразделения, отличавшиеся и по своему социально-экономическому положению и по своей политической роли. Полная и точная дифференциация всех слоев населения с указанием всех конкретных особенностей каждого в настоящее время невозможна.

Под термином светские военно-землевладельческие феодалы, нам кажется, следует объединить всех светских феодалов, живших в городах и имевших там земельное или иное имущество или же живших в городе, но экономически более связанных с деревней. В городах Восточного Закавказья XVII—XVIII вв. экономический и политический удельный вес феодалов-землевладельцев был очень велик. Города, как правило, вследствие, с одной стороны, их полуаграрного характера, а с другой стороны, вследствие экономического и политического господства кочевой и оседлой знати являлись местом сосредоточения значительной ее части. Многие феодалы (в том числе и феодалы-кызылбаши), имевшие владения в кочевых или оседлых земледельческих сельских районах, обладали недвижимым имуществом в городах, особенно в тех, которые являлись административно-политическими центрами [19].

По экономической роли и политическому влиянию городскую светскую знать того времени можно разделить на три категории: 1) кызылбашская военно-кочевая знать, 2) местные мусульманские (в основном азербайджанские) феодалы-землевладельцы, 3) армянские феодалы-землевладельцы.

---

[15] Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т. II, Тегеран, 1314 г. х. (1896-97 гг.), стр. 533.

[16] «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», т. II, М., 1833—1838 гг., стр. 359.

[17] См. Е. Шахазиз. Указ. соч., стр. 29.

[18] С. Д. Бурнашев. Описание областей Адребиджанских в Персии и их политического состояния, Курск, 1793, стр. 7—25.

[19] То, что даже верхушка кызылбашской знати имела дома в городе и в обычное время жила в городах, видно, например, из текста «Тарих-е алам ара» Искандера Мунши, т. I, Тегеран, 1956, стр. 199.

Такое деление в более или менее чистом виде присуще лишь XVII и, возможно, первой половине XVIII в. Для более позднего времени характерно слияние первой и второй категорий как следствие все большего сближения между кызылбашскими и местными феодалами, которое происходило на протяжении XVII и XVIII вв., а также как итог общего усиления знати местного происхождения, что в свою очередь стало в XVIII в. одной из причин фактического отделения областей Северного Азербайджана (где эта знать была наиболее сильна) от ханств Южного Азербайджана и Северо-западного Ирана, где кызылбашская знать сохранила свою доминирующую роль.

Что касается армянских феодалов, то таковые имелись почти во всех городах, хотя и по численности и по богатству и политическому влиянию они занимали второстепенное положение. Армянские феодалы-землевладельцы, стремясь уравняться в правах с феодалами-мусульманами, нередко принимали мусульманство [20].

Основной собственностью городских феодалов являлись их земельные владения (пахотные поля, виноградники, сады), которые находились в городе или за чертой его; виноградники и сады, как правило, были расположены в городах.

Можно предполагать, что в XVII—XVIII вв. основные земельные владения городских феодалов относились к категории «мулька» (арм. «хайреник»). Мульк в рассматриваемый период являлся практически частной собственностью, которая свободно передавалась по наследству, продавалась, отдавалась в вакф, менялась. Мульком могли быть целые селения, отдельные участки земли, источники орошения, мельницы, дома, лавки и т. д. Юридически продавалось, покупалось, выменивалось, дарилось при наличии мулька-села не все село, а лишь право на взимание определенной доли феодальной ренты. Другая часть ренты с мульковых земель шла в казну. Практически же феодал являлся владельцем не только части земельной ренты, но и самой земли, поскольку от него зависело практически право распоряжения этой землей, а также и владельцем крестьян. Например, в прошении группы ганджийских беков русскому правительству в 1804 г. имущество беков выражается в числе крестьян, которыми они обладали [21]. Принадлежавшие им земли феодалы обычно сдавали в аренду жившим там крестьянам. Условия аренды были различны в различных областях. Немецкий путешественник Э. Кемпфер, побывавший в Кызылбашском государстве в 80-х годах XVII в., сообщает, что доля арендатора зависела от различных причин, в том числе и от того, какие культуры разводились на арендуемой земле [22].

Мульковые земли приобретались обычно покупкой. В Ереванском Матенадаране сохранилось большое количество документов о купле-продаже мульковых земель; лишь небольшая часть их издана [23]. В качестве примера возьмем купчую, относящуюся к Дербенту, датированную 1758 г., о продаже неким Ага Атоджаном армянину Вардану участка земли, на котором засевалось 5 тагаров пшеницы [24]. Подобные же примеры можно привести по городам Еревану, Маку и др. [25].

Мульковые земли приобретались также и путем прямого захвата. В документе, датированном 1653 г., говорится о том, что сироты некоего

---

[20] См. Захарий Акулецн. Дневник, Ереван, 1939, стр. 76.

[21] См. «Акты Кавказской археографической комиссии», т. II, Тбилиси, 1868, стр. 595.

[22] E. Kaempfer. Amoenitatum exoticarum, Lemgovie, 1712, стр. 92.

[23] А. Абрамян. Купчие и разные другие архивные документы по хозяйственным сделкам, Ереван, 1941 (на среднеармянск. яз.).

[24] Там же, стр. 68.

[25] Матенадаран, архив католикоса, 1а, № 61 (на перс. яз.), 1а, № 74 (на перс. яз.), 4, № 15 (на перс. яз.).

Ахмеда Шамахеци и его брат, жители Еревана, обращаются в шариатский суд по поводу мулька-села, захваченного неким Ахмед-ханом [26].

Все мульковые земли передавались по наследству, о чем обычно упоминалось в купчих. В случае утраты документов на право владения мульком возникали многолетние тяжбы, так как часто случалось, что земли мелких феодалов захватывались крупными светскими феодалами или церковью. Так, в архиве Матенадарана сохранился документ, датированный 1615 г., о тяжбе между наследниками ереванца Хан Ахмеда и Эчмиадзинским престолом из-за земель, захваченных у упомянутого Хан Ахмеда [27].

Кроме мульков, феодалы имели земельные владения на правах тиуля [28]. Официально тиуль не был собственностью. Тиуль даровался центральной властью чаще всего военнослужилой знати. Эволюция развития тиуля как формы земельного владения в XVII—XVIII вв. шла в сторону увеличения прав тиульдара. Последнее обстоятельство зависело, во-первых, от общей тенденции к укреплению феодальной собственности на землю, наблюдаемой на протяжении XVII—XVIII вв., и, во-вторых, от силы центральной власти, которая, широко практикуя с XVI в. раздачу земель на правах тиульного держания, стремилась ограничить права тиульдаров, в то время как тиульдары, наоборот, стремились расширить эти права. Основное отличие тиуля от мулька к концу XVIII в. заключалось, во-первых, в том, что тиульдар не имел права продавать тиуль, и, во-вторых, в незакрепленности права наследования. Тиули могли передаваться по наследству лишь при санкционировании специальным указом правительства [29].

В XVII—XVIII вв. на правах тиульного держания давались целые города. В частности, тиулем беглярбека Южного Азербайджана считался г. Тебриз [30]. Из более мелких тиулей можно указать на Астару [31].

Кроме земельных владений, городские феодалы имели в собственности (на правах мулька-хайреника) виноградники [32], сады, мельницы, оросительные каналы [33], лавки, караван-сараи, конюшни, дома, рабочий скот. В качестве примера имущественного положения крупного городского феодала можно взять известного тебризского помещика первой половины XVIII в. Самад-бека, имущество которого исчислялось в 160 тыс. туманов деньгами и в различном движимом и недвижимом имуществе («амвал ва асбаб ва нагди»). Кроме того, Самад-беку принадлежало 220 тыс. баранов, 30 тыс. кобылиц с жеребятами, 20 тыс. голов рабочего скота, 7000 верблюдов и 2000 мулов [34].

Мелкие феодалы, разоряясь, становились должниками купцов, ростовщиков, а также церкви. Только зависимым положением можно объяснить факт отдачи в вакф христианскому монастырю своего сада мусульманином Наджат-беком юзбаши каджаром, о чем сохранилась дарственная в архиве Матенадарана [35].

---

[26] Матенадаран, архив католикоса, 1з, № 937 (на перс. яз.).

[27] Там же, 1, № 75.

[28] О тиуле см. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 184—221.

[29] См. Мухаммед Тахир Вахид. Аббас-наме, Арак, 1951, стр. 311, о разделе по смерти мунаджима (звездочета) Молла-Мухаммед-Тахира его тиуля между его сыновьями.

[30] См. там же, стр. 175.

[31] См. там же, стр. 328.

[32] См. А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 93, примеры того, что ереванцы владели виноградниками вне города, см. Симеон католикос, Джамбр, Вагаршапат, 1873, стр. 170, 180 (на древнеармянск. яз.).

[33] Купля и продажа источников орошения довольно часто является содержанием купчих. Например, о продаже кяриза, купчая 1676 г., см. А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 94; о кяризе-мульке (хайренике), там же, стр. 117; о продаже арыка в Тебризе см. документ Матенадарана, архив католикоса, 1д, № 579.

[34] Мухаммед Казим. Алем-арай-е Надири, рукопись Инст. вост. АН СССР, Д-430, т. II, л. 318.

[35] Матенадаран, архив католикоса, 1г, № 242 (на перс. яз.).

Вместе с тем и сами феодалы, если у них оставались свободные средства, могли давать их в рост, а в случае несостоятельности должника в счет уплаты долга забирали его имущество [36].

Крупные городские феодалы были тесно связаны с торговлей. Помимо того, что они контролировали торговлю, получая от нее соответствующие выгоды, благодаря наличию у них в собственности караван-сараев, лавок и мастерских, они наживались на торговле шелком. У Захария Акулеци приведен пример, когда везир Азербайджана (в г. Тебризе) заставил акулисских купцов купить у него шелк второго сорта за 12 500 диан (динаров) литр, тогда как его настоящая цена была 8000 диан. Разницу же в цене везир присвоил себе [37].

Городская светская знать в Закавказье, наряду с мусульманским духовенством, занимала в городах важнейшие административные должности, а отдельные ее представители играли большую роль при шахском дворе. В этом отношении показательна карьера наследственных калантаров г. Ордубада из фамилии Насирийе, потомков известного ученого XIII в. Насир-ад-дина туси. Представитель этой фамилии Хатимбек ордубади, предки которого на протяжении XVI в. занимали важные должности в Сефевидском государстве, в конце XVI в. стал этемад-эддоулэ Кызылбашской державы. После его смерти Аббас I утвердил в этой должности его сына Абу-Талиб мирзу, который одновременно оставался и калантаром г. Ордубада [38].

В г. Акулисе в XVII в. большим влиянием пользовалась семья местного землевладельца Мусабека [39].

Мелкие военнослужилые феодалы в городах, особенно из кызылбашских племен, состоявшие на военной службе у государства и подчиненные местным ханам и султанам, вообще представляли собой весьма беспокойный элемент. Жалованье за службу им выплачивали местные правители за счет государственных доходов с провинции. В случае задержки в платеже жалованья эти служилые люди не останавливались перед открытым возмущением. Так, в Ереване в 1677 г. служилые люди из кызылбашских племен каджар и байят возмутились против беглярбека Сефи-кули-хана, в течение двух лет не платившего им жалованья [40].

В начале XVII в. городская знать в странах Закавказья помогала Аббасу I восстановить господство Сефевидов в Азербайджане и Восточной Армении. Активная просефевидская ориентация сложилась в гг. Баку [41], Дербенте [42], Нахичеване [43], Ордубаде, не говоря уже о городах Южного Азербайджана. Иначе было в первой половине XVIII в. Последние Сефевиды еще встречали поддержку со стороны феодалов, в том числе и городских, Южного Азербайджана [44], но Надир-шах, вначале также доброжелательно встреченный беками Закавказья [45], своими репрессиями вызвал недовольство городской знати, которое в северных районах Азербайджана переросло в открытый заговор. В ответ на это На-

[36] Матенадаран, архив католикоса, 242, № 165, долговая расписка об отдаче в счет долга в 4 тумана Соломоном, сыном Мкртича Валадянца, парону Сакку 6 участков пахотной земли.

[37] З. Акулеци. Указ. соч., стр. 75—76.

[38] Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, Тегеран, 1314 г. х. (1896-97 г.), стр. 531—534, 680.

[39] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 110, 118—122.

[40] См. там же, стр. 110—112.

[41] Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, Тегеран, 1314 г. х. (1896-97 г.), стр. 516.

[42] Там же, стр. 516.

[43] Там же, стр. 446; Arakel de Tauris. Livre d'histoire. «Collection d'historiens arméniens», t. I, Spb., 1874, p. 279.

[44] После захвата афганцами Исфагана именно Южный Азербайджан стал основной базой бежавшего на север принца Тахмаспа.

[45] См. И. Лерхе. Путешествие 1733—1735 гг. из Москвы в Астрахань по странам, лежащим по западному берегу Каспийского моря. Новые ежемесячные сочинения, изд. АН, ч. 43, СПб., 1790, стр. 52.

дир решил крутыми мерами и казнями сломить сопротивление феодалов Северного Азербайджана. Это было тем более необходимо для него, так как именно в это время он безуспешно пытался сломить сопротивление вольных аварских обществ Дагестана. Было казнено много феодалов Шемахи, Кабалы и Дербента, у казненных было конфисковано имущество на общую сумму 200 тыс. туманов [46].

В дальнейшем знать центральных городов ханств Северного Азербайджана явилась надежнейшим оплотом самостоятельности ханств. В частности, таковой была по отношению к Фатали-хану знать г. Дербента [47].

Наоборот, городская знать Шемахи совместно с крупным купечеством этого города в 60-х годах XVIII в. находилась в оппозиции к тому же Фатали-хану [48]. В конкретных условиях того времени позиции городской знати определялись и объяснялись теснымн связями с ханами своего города. Местные же независимые и полунезависимые владетели обычно всегда стремились выделить и поставить в привилегированное положение свои основные удельные земли, тогда как захваченные территории ставились в неравноправное положение. Это особенно характерно было для Фатали-хана кубинско-дербентского (1758—1789 гг.), в системе владений которого в неравноправном положении находился Баку и особенно Шемаха. Города эти облагались дополнительными налогами; часть жителей Шемахи была выселена в Дербент и Кубу [49]. Это обстоятельство послужило причиной большого народного восстания в Шемахе в 1769 г. [50], а позднее, в 1770 г., жители этого города «безо всякого сопротивления» сдали Шемаху коалиции ханов, враждебных Фатали-хану [51].

Тебризская знать, недовольная своим ханом, в 1785 г. помогла хойскому Ахмед-хану овладеть Тебризом [52].

В городах Азербайджана и Армении очень большую роль играло духовенство. Духовенство в городах было или мусульманско-шиитским (большинство азербайджанцев являлись шиитами), или христианским. Духовенство было неоднородно по своему социально-экономическому положению. Наряду с высшими слоями его (сеидами, ахундами, улемами, частью молл, а у армян епископами, вардапетами) существовала значительная прослойка мелкого духовенства — часть священников, монахи, дервиши, которые на социальной лестнице стояли далеко позади высшего духовенства. В городах имелись армянские монастыри «ванки», или «пустыни» («анапат»), и мусульманские дервишские обители («текие»). Так, в г. Ереване во второй половине XVII в. было 23 мужских и 5 женских монастырей. Однако в основном это были небольшие обители с 5—6 монахами [53]. Армянские монастыри имелись также в Шемахе, Акулисе, Нахичеване, Хое, Тебризе и других городах. По свидетельству Эвлия Челеби, в г. Тебризе в середине XVII в. было до 600 текие, в г. Мараге — 40, в городе Ареше — 1 [54]. В XVII в. в г. Ниязабаде было около 100 дервишей [55].

Ввиду социальных и организационных особенностей армянского и мусульманского духовенства их следует рассматривать в отдельности.

Основными церковными собственниками в городах были монастыри.

---

[46] См. Мухаммед Казим. Указ. рук., т. II, лл. 319б—320а.
[47] Л. Голестане. Моджмел-ат-таварих, Тегеран, 1941, стр. 162 (на перс. яз.).
[48] См. С. Г. Гмелин. Путешествие по России для исследования трех царств естества, ч. III, СПб., 1771, стр. 96—98.
[49] Там же, стр. 84, 97—102.
[50] См. Г. Б. Абдуллаев. Из истории северо-восточного Азербайджана в 60—80-х годах XVIII в., Баку, 1958, стр. 163.
[51] АВПР, ф. перс., д. 17 (1767—1774), лл. 284—285.
[52] См. С. Д. Бурнашев. Указ. соч., стр. 22.
[53] См. J. Chardin. Voyages en Perse. Paris, 1811, t. II, p. 177.
[54] См. Эвлия Челеби. Указ. соч., т. II, стр. 250, 269, 288.
[55] Там же, стр. 293.

Городские монастыри могли иметь собственность в городе или за его пределами. Самым крупным собственником был Эчмиадзинский монастырь. Верховный католикос всех армян имел среди прочей собственности земельные владения, виноградники, сады, арыки, кяризы, лавки, караван-сараи, дома в Тебризе, Ереване, Шемахе, Маку, Хое, Дербенте и других городах. Общее количество монастырской собственности в городах изменялось в течение рассматриваемого периода. Собственность монастырей увеличивалась, во-первых, за счет мульковых владений и, во-вторых, за счет вакфных пожалований от частных лиц. Мульковые владения приобретались главным образом посредством купли. Начиная с 30-х годов XVII в. эчмиадзинские католикосы до конца века приобрели особенно много мулькового имущества [56]. К концу XVII в. Эчмиадзинский монастырь имел в городе Ереване три орошенных виноградника и три водяные мельницы («джрагац»), вода для которых бралась из реки Занги [57]. «Пустыня» Анании апостола в Ереване имела в этом городе два виноградника [58].

В вакф монастырям отдавались земельные участки, виноградники, дома и прочее имущество частными лицами или отдельными крестьянскими общинами [59].

В городах монастыри чаще всего получали в «дар» на основе вакфного права виноградники.

Монастыри и высшее духовенство приобретали не только земли, виноградники, сады, но и объекты торговли — лавки и караван-сараи [60].

Принадлежавшие им виноградники, сады и т. д. монастыри обычно сдавали в аренду мелким землевладельцам. В качестве примера, на каких условиях сдавались они в аренду, возьмем один документ, датированный 1735 г. Некий Тугурхунци Тер-Минас сын Тер-Григора берет у «св. Престола» по соглашению с Саргисом вардапетом в аренду виноградник сроком на 10 лет. За это он обязан в год платить 450 литров (2160 *кг*) изюма и вносить в казну поземельный налог [61]. Сдача виноградников в аренду была выгодным делом для собственника [62].

Монастырские владения находились в привилегированном положении. Шахи и местные ханы в ответ на челобитные черной братии не скупились на налоговые и иные льготы. О различных льготах монастырям можно судить на основании шахских фирманов монастырям г. Акулиса [63], находящихся в архиве Матенадарана. Согласно этим фирманам, датированным 1604, 1606, 1621 гг., подтверждались и укреплялись права акулисского духовенства на принадлежащие акулисскому монастырю поместья и на сбор церковных податей с армянского населения нахичеванского края.

В XVIII в. монастыри и духовенство также добивались привилегий и налогового иммунитета. В 30-х годах XVIII в. Надир-шах, благоволивший к католикосу Аврааму Кретаци, по его просьбе подтвердил права Эчмиадзина на его владения. Специальным указом шах запретил своим войскам, огнем и мечом проходившим Закавказье, причинять вред монастырским поместьям, убивать и угонять скот и т. д. Главным обра-

---

[56] Об этом подробно рассказывает Симеон католикос в своем «Джамбре» (70-е годы XVIII в.).

[57] Симеон католикос. Джамбр, стр. 140.

[58] Там же, стр. 141.

[59] Пример передачи в вакф монастырю земли крестьянской общиной см. А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 47, 93; Матенадаран, архив католикоса, 242, № 154.

[60] А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 127, 142.

[61] Там же, стр. 80—81.

[62] См. Дневник католикоса Симеона. «Архив армянской истории», Тифлис, кн. 3, стр. 477, 630 (на древнеармянск. яз.).

[63] В настоящее время серия шахских фирманов Матенадарана первой половины XVII в. подготовлена к публикации сотрудником Института истории АН Армянской ССР канд. ист. наук А. Папазяном.

зом в интересах армянского духовенства и купечества была отменена Надиром джизия (налог с христиан) [64]. В архиве Матенадарана сохранился указ правителя Южного Азербайджана Азад-хана афгана от 1168 г. х. (1754 г.) [65] (под властью которого временами находилась и Ереванская область) об освобождении монастырей от податей. Получали привилегии монастыри и от других ханов. В частности, в 1152 г. х. (1739 г.) хан Карабаха Панах-хан также освободил монастырские владения от налогов [66].

Политическая роль армянского духовенства в XVII—XVIII вв. определялась прежде всего его влиянием на армянское население областей Кызылбашского государства. Большие армянские колонии имелись и в городах внутреннего Ирана. Не говоря уже об Исфагане с ее знаменитым предместьем Джульфой, упомянем о г. Хамадане, в котором в XVII в. было 300 дворов армян [67]. Армянское крупное купечество, игравшее основную роль во внешней и внутренней торговле и оказывавшее, при всех особенностях деспотического строя Сефевидской монархии, значительное влияние на правительство, было тесно связано, с одной стороны, с господствовавшими кызылбашскими феодалами и в целом с феодальным строем, а, с другой стороны,— с армянским духовенством. Одновременно высшее духовенство находилось в теснейших связях с армянскими колониями за границей, которые в духовном отношении подчинялись эчмиадзинскому католикосу. Конечно, армянское духовенство оставалось не вполне равноправным, а самоуправство местных властей, особенно усилившееся в конце XVII — начале XVIII в., и, наконец, давление со стороны народных масс армянского населения, на которых шахские благодеяния не распространялись, приводили к тому, что и крупное духовенство включилось в русло антикызылбашской борьбы и искало помощи извне, вначале на Западе, а с конца XVII в. в России. Однако непоследовательность его в этом вопросе очень ярко видна в колебаниях политической ориентации католикосов (что особенно подтверждается на примере Авраама Кретаци). Лишь со второй половины XVIII в. можно считать прочно установившейся ориентацию высшего армянского духовенства на Россию.

Мусульманское шиитское духовенство служило надежнейшей опорой Сефевидов, которые сами происходили из высшего духовенства г. Ардебиля и являлись одновременно духовными главами в государстве. Надир-шах, раздраженный к тому же приверженностью высшего шиитского духовенства к низложенным Сефевидам, сделал известную попытку религиозной реформы, формальная сторона которой заключалась в том, что шиизм перестал считаться господствующим толком ислама в Иране. Оставляя в стороне внешнеполитические мотивы, которыми руководствовался при этом Надир, следует сказать, что в сущности это была прежде всего попытка ослабить экономически и политически высшее шиитское духовенство.

Огромные богатства шиитского духовенства складывались в течение XVI и XVII вв. Наиболее богатым было высшее духовенство Ардебиля и Тебриза. В Ардебиле находилась вторая по величине и значимости шиитская святыня на территории Кызылбашской державы — гробница предка Сефевидов шейха Сефи-ад-дина ардебили. Этой гробнице (мазару) принадлежали громадные земельные и иные богатства [68]. Мутавалли

[64] См. Abraham de Crète. Mon histoire et celle de Nadir, Chah de Perse. Сб. «Collection d'historiens arméniens», Spb., 1876, t. II, pp. 278—279.

[65] Матенадаран, архив католикоса, 1, № 419; то же Симеон католикос. Указ. соч., стр. 227.

[66] Матенадаран, архив католикоса, 2б, № 134.

[67] Сб. «Мелкие хроники XII—XVIII вв.», Ереван, 1956, т. II, стр. 433 (на среднеармянск. яз.).

[68] Описание Ардебильского мазара см. А. Олеарий. Указ. соч., стр. 591—592; Ян Стрейс. Три путешествия, М., 1935, стр. 239—294; И. П. Петрушевский.

(попечитель) гробницы в XVII в. являлся одновременно и хакимом (правителем) г. Ардебиля. На эту должность назначались обычно очень влиятельные люди. Мутавалли и хакимы Ардебиля, как правило, использовали свое положение для личного обогащения. Так, например, в 1043 г. х. (1655—56 г.) мутавалли Назар-али-хан был снят с поста за то, что присваивал вакфные имущества, арестован и посажен в крепость [69].

Огромным влиянием в Кызылбашском государстве пользовались сеиды из г. Тебриза. Большинство тебризских сеидов занимали высокие должности в самом Тебризе. Часто высшие духовные должности в Тебризе передавались по наследству в одной и той же знатной фамилии. Так, во второй половине XVI в. должность шейх-уль-ислама в Тебризе занимал сначала сеид Моуляна-энайет-улла, а затем его сын Моуляна-Мухамед-али тебризи [70]. Представители знатных духовных фамилий Южного Азербайджана занимали и высшие гражданские должности. Например, вторым этемад-эд-доуле Аббаса I был Мирза-Мухаммед, по матери происходивший из сеидов г. Тебриза [71].

Высшее шиитское духовенство обладало большими личными богатствами и доходами. Многие его представители имели земельные владения на правах мулька [72]. Духовные лица могли наделяться тиульными владениями [73].

Одной из распространенных форм духовных владений являлся в XVII—XVIII вв. союргаль. Вопрос о союргале неоднократно рассматривался в исторической литературе. Наиболее обстоятельно он исследован в работе И. П. Петрушевского. И. П. Петрушевский в результате анализа ряда союргальных грамот доказал, что союргаль представлял собой условное земельное владение светских и духовных феодалов [74]. Однако в XVII в. в источниках почти не упоминается о новых пожалованиях в качестве союргаля земельных владений светским феодалам. Союргаль же в качестве духовного владения упоминается гораздо чаще. Характерно, что Шарден (вторая половина XVII в.) знает союргаль лишь как род церковного бенефиция [75].

Вместе с тем можно, нам кажется, говорить об определенной эволюции в XVII—XVIII вв. самой сущности союргаля как феодального института. Если в документах XV—XVI вв. союргаль выступает перед нами в виде наследственного земельного владения, обусловленного несением военной службы и обладавшего правом налогового иммунитета, то в более поздний период термин «союргал» приобретает несколько иной смысл. В 1952 г. Лэмбтоном были опубликованы в персидском оригинале и с английским переводом две сефевидские союргальные грамоты [76].

Первая из них датирована месяцем сафаром 1067 г. х. (1656 г.) и является подтверждением более раннего указа от месяца рамазана 1047 г. х. (1638 г.). Указ относится к фамилии известных тебризских сеидов Ваххаби. Одному из них — Амир-Абдулле и были пожалованы в союргаль 3 тумана 695 динаров «из сумм налогов и доходов с г. Тебриза и др.» («аз бабет-е мал-ваджехат ва воджухат баладе-йе Тебриз ва

Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII в. «Труды Института истории имени А. Бакиханова АН Аз. ССР», 1947, т. 1.

[69] См. Мухаммед Тахир Вахид. Указ. соч., стр. 216.

[70] См. Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т I, Тегеран, 1956-57 г., стр. 158.

[71] Там же, т. II, стр. 1030.

[72] О сеиде Мир-Миране, владельце «имений и пахотных земель», о сеиде Шах-Касиме Нур-Бехше, собственнике «имений и доброкачественных пахотных земель», см. Искандер Мунши. Тарих-е, алам ара, т. I, Тегеран, 1956, стр. 145.

[73] См. Мухаммед Тахир Вахид. Указ. соч., стр. 311.

[74] См. И. П. Петрушевский. Очерки феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., стр. 145, 183.

[75] См. J. Chardin. Voyages en Perse. Paris, 1811, t. VI, p. 65.

[76] A. K. P. Lambton. Two Safavid soyurghals. «Bulletin of the school of Oriental and African studies», London, 1952, v. 14, pp. 44—54.

гийре»). По смерти сеида Амир-Абдуллы вышеуказанная сумма в виде союргаля перешла к сыну его сеиду Мир Мухаммед-Ибрагиму, за исключением суммы, слагаемой из 1 динара с каждых 6 динаров, взимаемых в качестве подушной подати («серане») с армянского населения всего Азербайджана (южного), которая согласно завещанию покойного Амир-Абдуллы передавалась другому сеиду из этой фамилии. Между двумя ответвлениями этого рода началась тяжба из-за данного союргаля, истории которой и окончательному разрешению ее при посредничестве садр-е мамалик Кызылбашской державы Мирза-Мухаммед-Мехди и посвящен этот указ. В данном случае нас интересует не сам процесс тяжбы, а вопрос о том, что представлял собой оспариваемый союргаль. Между тем из указа ясно видно, что этот союргаль был не каким-либо конкретным земельным или иным владением, а воплощал определенную сумму денег из общих доходов с города Тебриза и других районов (очевидно, Южного Азербайджана), во-первых, и с подушной подати с армян-христиан области, во-вторых. То же самое значение союргаля мы видим и из второго документа, опубликованного Лэмбтоном, относящегося к той же фамилии сеидов и датированного месяцем ша'баном 1115 г. х. (1704 г.). На сей раз тяжба началась из-за тех же 6 динаров подушной подати с армян Азербайджана, которые пятьдесят лет назад были присуждены деду нынешних истцов — Амир-Абдулле — первым из рассматриваемых указов в виде союргаля. Таким образом, из текстов данных союргалей видно, что под союргалем в XVII—XVIII вв. понималось не конкретное пожалование земельных владений, а определенная часть тех или иных государственных налогов. При пожаловании таких союргалей, конечно, никакой речи не могло быть об обязанности жалуемого лица выставлять определенное число воинов или нести военную службу самому. Не связан в данном случае союргаль и с мо'афи (налоговым иммунитетом), поскольку и без того содержанием его оговорена конкретная сумма получаемых сумм из государственных налогов.

Эволюция союргаля в рассматриваемый период идет к исчезновению его как формы военного лена. Нам не приходилось встречать в источниках упоминаний о новых пожалованиях в XVII в. союргалей в форме земельных владений. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что в XVII—XVIII вв. сохранились лишь те союргали этого типа, которые были пожалованы в более ранний период. Союргаль же в форме определенной доли общегосударственных налогов лишь терминологически сходен со старым союргалем — военным леном, практически же он представляет уже явление иного порядка. Во второй половине XVIII в. термин «союргаль» в источниках не встречается.

В XVII—XVIII вв. города являлись центрами торговли, поэтому естественно, что одной из категорий городского населения было купечество. Общие условия торговли в Азербайджане и Армении в этот период не оставались неизменными. Эволюция внешней торговли и развитие внутреннего рынка вносили свои изменения в ее развитие. Основной причиной, определившей развитие не только внутренней, но и внешней торговли, следует считать степень развития производительных сил страны, товарного производства, разложения натурального хозяйства и отделение промышленности от земледелия. Транзитная торговля в XVII—XVIII вв. уже не имела такого значения, как в более ранний период. К этому времени были освоены и широко использовались морские пути, связывавшие страны Европы с Индией и Восточной Азией. Древние сухопутные торговые пути через Ближний Восток потеряли свое значение.

Уже в XVII в. внешняя торговля стран Ближнего Востока определялась почти исключительно товарами, производимыми в этих странах. В частности, торговые интересы европейских стран в Кызылбашской державе определялись главным образом шелком, который вырабатывал-

ся в ее северных областях. Общее производство шелка возрастало на протяжении XVII в.[77].

Именно из-за шелка, большая часть которого вывозилась за границу, в Иране велась усиленная борьба за монополию его вывоза между голландскими, английскими, французскими, русскими и иными купцами.

В XVII в. наибольшими привилегиями в Иране пользовались английские и голландские купцы. Права и положение голландских купцов в Иране определялись торговым договором 1623 г.[78]. В 1631 г. иранские купцы получили право экстерриториальности в Нидерландских штатах[79]. С англичанами торговый договор был заключен в 1624 г.[80]. Позднее, в 1688 г., английские купцы и армянские торговцы Новой Джульфы заключили новый торговый договор[81]. Во всех этих договорах купцы Сефевидской державы выступают еще как равноправная договаривающаяся сторона. Франция включалась в торговлю с Ираном еще в первой половине XVII в., но первый франко-иранский торговый договор был заключен в 1674 г.[82]. В начале XVIII в. французское купечество особенно активизировало свою деятельность в Иране и Закавказье, следствием чего явились договоры 1708 и 1715 гг.[83]

Сефевидские шахи покровительствовали внешней торговле и крупному купечеству. Поэтому крупное армянское купечество Закавказья в начале XVII в. с восторгом встретило войска Аббаса[84]. В XVII в. Сефевиды очень заботились об охране дорог и интересов крупного купечества. В Кызылбашской державе существовало правило личной материальной ответственности местных правителей в случае ограбления купца[85]. По жалобам купцов могли быть смещены правители провинций[86]. Положение изменилось в начале XVIII в., когда шахское правительство, все более нуждавшееся в средствах, старалось получить их посредством повышения налогов, в свою очередь местные правители старались выкачать побольше средств из податного сословия. Сильно пострадало и купечество[87]. Очень выгодную для купечества реформу в порядке и способе приобретения шелка произвел шах Сефи I (1629—1642 гг.). Если до этого времени монопольное право скупки шелка у райатов и землевладельцев принадлежало казне, то по указу Сефи I купцы могли теперь непосредственно скупать шелк у крестьян без посредничества казны[88]. Благоприятно отразился на развитии торговли мир 1639 г. с Турцией. При Надир-шахе делались попытки восстановления безопасности торговли[89], но в общем положение мало изменилось[90], а для стран Закав-

---

[77] См. А. Олеарий. Указ. соч., стр. 791; J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, v. III, p. 123.

[78] См. «Diplomacy in the Near and Middle East», v. I, ed. by J. C. Hurewitz, London — New York, 1956, pp. 16—18.

[79] Там же, стр. 20—21.

[80] Там же, стр. 18—20.

[81] См. A. Raffi. Armenian History, Culture and Characteristics, London, 1914, p. 195.

[82] J. Hanway. An historical Account of the British trade over the Caspian Sea, London, 1753, v. II, p. 29.

[83] «Diplomacy in the Near and Middle East», v. I, pp. 32—38, 40—42; D. M. Lang. The last years of the Georgian Monarchy, 1957, New York, pp. 107—108.

[84] См. Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию, М., 1896, стр. 33.

[85] J. Tavernier. Les six voyages, Paris, 1681, t. I, p. 556.

[86] Там же, стр. 505—506; так же P. Sanson. Estat present du Royaume de Perse, Paris, 1694, 111—112.

[87] См. Essai Hassan-Dchalaliants. Histoire d'Aghovanie. «Collection d'historiens armeniens», t. II, p. 204; J. F. Krusinski. Histoire des revolutions de Perse, Paris, 1742, t. I, p. 95.

[88] См. Искандер Мунши. Продолжение Тарих-е алам ара, Тегеран, 1939, стр. 13—14.

[89] Например, при Надире был схвачен Мехди-хан зенд за грабежи купцов, см. А. Голестане. Указ. соч., стр. 127.

[90] О недовольстве купцов Надиром и бесчинствах его наместников в отношении

казья господство этого завоевателя принесло, как известно, неисчислимые бедствия. После смерти Надир-шаха начавшиеся междоусобия тяжело отразились на состоянии торговли. На некоторое время положение улучшилось в 1752 г., когда мирный договор Ираклия II с Азад-ханом, правителем Южного Азербайджана, «возвратил некоторую свободу торговли»[91]. Купечество городов Азербайджана и Армении вело оживленную торговлю также с Россией, Турцией, различными областями Ирана, Средней Азией, Индией. Местные купцы ездили даже в Китай и на Филиппины. Так, в 1631 г. купец из Азербайджана Якоб Исусян совершил торговую поездку в Индию и дошел до Манилы (Филиппины) с товарами на сумму 200 туманов[92]. В XVII в. в Кызылбашском государстве лучшей считалась японская медь[93]. В XVII в. было пять основных торговых путей, по которым купцы Закавказья вели торговлю с зарубежными странами[94].

В торговле с Россией наибольшую роль играли города Дербент[95] и Баку. В городах Закавказья торговали китайские купцы, были постоянные колонии индийских купцов.

Из купечества городов Азербайджана и Армении наиболее связаны с внешней торговлей были купцы Тебриза, Акулиса, Еревана, Шемахи, Ганджи, Хоя, Дербента, Баку[96].

За период с XVII до конца XVIII в. очень мало изменились виды привозимых товаров; в то же время замечается изменение в сторону увеличения вывоза готовой продукции из России. Например, в числе русских товаров, вывезенных в «Персию» (т. е. главным образом в Гилян, Мазендеран и Закавказье) в 1766 г., преобладали армяки, армянские башмаки, писчая бумага, белила, зеркала стенные, павловские замки, иглы, мыло, хрустальная посуда, фарфоровая посуда, холсты, сукно сермяжное и т. д. В то же время через Россию вывозились «немецкие» товары (т. е. привозимые из стран Западной Европы): бархат, иглы, хрустальная и фарфоровая посуда, сукна, сахар, парча и другие промышленные товары[97]. Согласно описи того же 1766 г. в числе ввезенных из «Персии» товаров по-прежнему преобладали шелк-сырец и шелковые и хлопчатобумажные изделия[98]. В конце XVIII в. из Ширвана в Астрахань вывозилось ежегодно около 400 *т* шелка-сырца[99]. Одновременно сокращается торговля с более далекой Индией[100].

Условия торговли в Азербайджане и Армении в XVII—XVIII вв. были нелегкие. Дороги очень часто находились в плохом состоянии[101], несмотря на меры, предпринимаемые правительством. Даже в XVII в.

купцов см. J. Hanway. An historical Account of the British trade over the Caspian Sea, London, 1753, v. I, pp. 233—234, 337.

[91] См. Perrin. Essai sur les troubles actuels de Perse et de Georgie, Paris, 1754, p. 150.

[92] См. сб. матер. «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», т. I, Ереван, 1951, стр. 196 (на среднеармянск. яз.).

[93] См. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 338; J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. III, p. 355.

[94] См. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 254—281.

[95] См. Эвлия Челеби. Указ. соч., т. II, стр. 310. О торговле с Россией в XVII в. см. Е. С. Зевакин. Персидский вопрос в русско-европейских отношениях, «Исторические записки», т. 8, 1940, стр. 129—161; Н. Г. Куканова. Русско-иранские отношения в конце XVII — начале XVIII в. «Исторические записки», т. 57, 1956, стр. 232—254.

[96] В первой половине XVIII в. через Баку вывозилось в год 400 тюков шелка по 25 батманов каждый (30 000 *кг*). См. J. Hanway. Указ. соч., стр. 377—378.

[97] АВПР, ф. перс., д. 4 (1728—1796), л. 14.

[98] Там же, лл. 15, 16.

[99] См. J. Forster. A Journey from Bengal to England, London, 1790, v, II. p. 228.

[100] В XVII в. из Индии приходили в г. Тебриз огромные караваны с товарами стоимостью до 1 000 000 ливров, см. J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. II, p. 347.

[101] Описание дороги из Шемахи в Баку см. С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 85.

часто случались нападения разбойников на караваны [102]. Не говоря уже о времени полунезависимых ханств XVIII в., даже в XVII в. не существовало единой денежной системы; по областям каждый хан чеканил свою монету и таковая ходила лишь в пределах его области [103]. В случае необходимости ханы подделывали монету [104], и можно сказать, что в течение всего рассматриваемого периода полноценной монеты никогда в обращении не было.

Точно так же не только на территории всей Кызылбашской державы, но и на территории закавказских беглярбекств не существовало единых мер веса, объема. Стоимость денег менялась на протяжении XVII—XVIII вв. не раз. Колебание курса денег того времени — вопрос, до сих пор не изученный.

Очень велики были всякого рода таможенные поборы. Наиболее значительные сборы давали в XVII в. таможни Дербента [105] и Баку. Единой системы дорожных пошлин в Кызылбашской державе не существовало, и в различных провинциях сборы их были неодинаковы [106]. В первой половине XVII в., например, дорожная пошлина при переправе через р. Аракс у Нахичевана составляла 10 аббаси с вьюка, тогда как в г. Маранде, по соседству, брали 13 аббаси с вьюка [107].

Кроме постоянно существовавших дорожных сборов, местные ханы даже в XVII в. могли накладывать небольшие поборы на ввозимые в город товары [108]. Обычно таможни находились либо в городах (при въезде в город), либо на переправах через реки [109], либо на границе ханств.

В условиях существования оживленной торговли очень важную роль играли караван-сараи. В Кызылбашском государстве XVII в. строительство караван-сараев производилось как центральной властью, так и местными правителями [110] и частными лицами [111]. Лучшие караван-сараи были расположены в городах. Караван-сараи были собственностью государства, местных правителей, религиозных учреждений [112], частных лиц. В последних случаях они представляли собой мульки (хайреники) и в качестве таковых свободно могли продаваться и покупаться [113].

Городские торговцы делились на несколько категорий. В сущности купцами в полном смысле этого слова, т. е. такими торговцами, для которых торговля стала их единственным занятием и которые сами производством продаваемых ими товаров не занимались, были крупные торговцы-оптовики — совдакяры, таджиры, или «ходжи». Прочие же категории торговцев, так или иначе связанные непосредственно с ремеслом

---

[102] О разбойниках у Дербента см. Я. Стрейс. Указ. соч., стр. 242.

[103] См. I. F. Krusinski. Указ. соч., т. I, стр. 50.

[104] См. С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 206.

[105] См. Эвлия Челеби. Указ. соч., т. II, стр. 310. В первой половине XVIII в. общая сумма сбора пошлин в Дербенте была около 1000 руб., см. И. Г. Гербер. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря... народах и землях. Сочинения и переводы, 1760, СПб., стр. 204.

[106] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 346.

[107] См. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 42, 45.

[108] Так, в 1632 г. хан г. Кума (Ирак-е аджем) наложил небольшую пошлину на фрукты, ввозимые в город, см. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 65.

[109] О таможне при переправе через Аракс см. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 42, о таможнях на реке Атте см. С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 54.

[110] Лучший караван-сарай в г. Ереване в середине XVII в. построил беглярбек, см. J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. II, p. 164. Лучший караван-сарай в Тебризе в первой половине XVIII в. был построен везирем провинции, см. J. Tavernier. Указ. соч., т. I, стр. 47.

[111] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 121.

[112] Мазар Сефи-ад-дина в Ардебиле владел восемью караван-сараями в городе, см. А. Олеарий. Указ. соч., стр. 591.

[113] См. купчие о продаже караван-сараев А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 140—142.

или земледелием, должны быть скорее отнесены по своему социально-экономическому положению к ремесленникам и крестьянам. Наличие большого числа мелких торговцев-ремесленников объяснялось тем, что процесс отделения торговли от ремесла (как и ремесла от земледелия) происходил в этих странах чрезвычайно медленно, хотя первые этапы его относятся здесь к очень отдаленным временам. Поэтому в данном разделе мы рассматриваем лишь категорию купцов-совдакяров. Все они были теснейшим образом связаны с внешней торговлей и их торговые операции совершались от Швеции на западе до Китая и Филиппин на востоке. Богатейшими из них уже в XVII в. являлись купцы Акулиса. Купцы могли совершать торговые поездки лично, но случалось, что группа купцов объединялась и вручала одному из своей среды деньги и товары и этот купец выступал в данном случае в роли торгового посредника. Такой способ торговли мог быть очень рискованным для купцов, доверивших свои товары и капиталы. Так, в 1673 г. в г. Измире умер купец Григорий Даватджи, за которым числилось на 300 тыс. марчили товаров других купцов. В частности, акулисские купцы дали ему 52 тыс. марчили, которые возвращены им не были. В результате многие купцы разорились [114]. Тем не менее обычно купцы шли на торговлю через посредника ввиду большой сложности совершения торговых поездок.

Основной функцией купечества было посредничество между непосредственными производителями на месте (ремесленниками и крестьянами) и потребителями других областей или стран. В своем районе или городе ремесленник сам сбывал производимые им товары. В то же время в XVII — XVIII вв. имелась своего рода специализация определенных районов на производстве ряда продуктов сельского хозяйства или промышленности. Например, Ширван, Гилян и Карабах специализировались на шелке, в городах Шемахе, Гандже, Тебризе и некоторых других было развито производство шелковых изделий. В роли посредника в сбыте шелка-сырца, изделий из шелка и других товаров в других районах страны или за рубежом и выступали купцы. Поскольку сам производитель не имел ни средств, ни возможности лично заниматься сбытом продуктов своего труда, тем более, что сами товары, им производимые, не являлись предметами широкого потребления, а служили главным образом для удовлетворения потребностей высших слоев общества, то он вынужден был отдавать товары купцу по ценам, которые тот устанавливал. Собственно говоря, существовали два способа отношений между купцом и непосредственным производителем. Первый из них — покупка товаров у непосредственного производителя самим купцом. Такого рода сделки были разрешены указом Сефи [115]. Однако едва ли не более распространенным оставался другой способ, вытекавший из абсолютного господства феодальных отношений в стране. Поскольку непосредственные производители находились в различных видах феодальной зависимости либо от феодального государства (большинство городских ремесленников, крестьяне домена и общегосударственных земель), либо от отдельных феодалов, то большая часть, а нередко и весь прибавочный продукт отдавался либо феодалу, либо государству. Они же уже сбывали определенную его часть купцам. В таком случае между производителем и потребителем становилось два посредствующих звена — феодал и купец. И если в первом случае купец являлся хозяином положения и мог диктовать свои условия крестьянину или ремесленнику, то во втором случае он вынужден был только принимать условия государства или отдельного крупного феодала [116]. Поэтому купцы в XVII — XVIII вв. были тесно связаны с феодалами и феодальным государством и полностью зави-

---

[114] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 64.
[115] См. выше, стр. 98.
[116] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 75—76.

сели от него. Крупные купцы занимались не только торговлей. Очень важной статьей их доходов были различного рода откупа. В Кызылбашском государстве, вероятно, не было чего-либо, не сдававшегося на откуп. На откуп сдавались базары, налоги[117], пошлины, монетные дворы[118] и т. д. В этом отношении чрезвычайно интересна история отдачи на откуп ереванского монетного двора и сбора пошлин в г. Ереване[119].

Крупные купцы накапливали огромные богатства, большая часть которых оставалась у них в виде сокровищ, в деньгах, золотой и серебряной посуде. Так, в 1703 г. умер купец Сафар Ахиджанц и оставил много сокровищ и посуды из золота и серебра[120].

Афганцы, взявшие в 1722 г. Исфаган, нашли в Н. Джульфе 60 тыс. фунтов стерлингов наличными деньгами у братьев купцов Карделян и 40 тыс. фунтов у купца А. Черимянца[121]. Стесненные рамками феодального строя и сами органически связанные с ним, купцы могли применять свои средства либо для дальнейшего увеличения своего товарооборота, либо для покупки земли, виноградников, садов, мельниц и, наконец, для ростовщических операций[122]. Очень многие купцы в XVII—XVIII вв. вкладывали средства в покупку земель, садов и т. д. В частности, упомянутый купец Симон в г. Ереване в числе прочего имущества имел и земли[123]. Захарий Саркаваг рассказывает об одном купце из городка Карби, торговавшего в основном шелком в Турции и являвшегося собственником скота, виноградников, мельниц[124].

Купечество XVII—XVIII вв. и политически было тесно связано с господствовавшими в стране землевладельческими и служилыми феодалами. Купцы могли занимать видные административные должности в городе.

Значительную группу городского населения составляли ремесленники. Еще Искандер Мунши писал, что «большинство населения славного города Тебриза торговцы и люди ремесла и промышленности»[125]. Никаких точных данных о численности ремесленников в XVII—XVIII вв. ни в целом, ни тем более по специальностям до нас не дошло.

Точно так же в нашем распоряжении нет полных данных о видах ремесел, существовавших в городах XVII—XVIII вв. Наиболее полный перечень ремесел, существовавших в городах Кызылбашской державы XVII в., имеется у французского миссионера Рафаэля дю Мана, прожившего в Иране 52 года и оставившего замечательное описание состояния Сефевидского государства в 1660 г. Всего у дю Мана перечислено 42 вида различных ремесел (за исключением таких профессий, как фокусники, дервиши и т. д.)[126].

---

[117] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 70.

[118] Монетные дворы существовали в XVII в. в Тебризе, Ереване, Ардебиле, см. P. Sanson. Указ. соч., стр. 159—160.

[119] В 1658 г. должность зарафа (начальника монетного двора) в Ереване взял на откуп акулисский купец Симон. В 1663 г., когда ереванский Неджеф-кули-хан был переведен в Шемаху, новый хан Еревана Аббас-кули-хан передал монетный двор купцу Саркису из г. Астапата и другому купцу Саркису из г. Еревана, заплатившим за это 1500 туманов. В 1664 г. монетный двор вновь перешел в ведение Симона акулисского, но в 1670 г. последний получил от шаха столичный монетный двор в Исфагане, и ереванским зарафом стал армянский купец Агабек из Нахичеванского края. Затем с 1674 по 1679 г. монетным двором заведовал вышеупомянутый купец Саркис из Еревана, которого сменил акулисский купец Мосей (З. Акулеци. Указ. соч., стр. 82, 100, 101).

[120] «Мелкие хроники XIII—XVIII вв.», т. I, стр. 362 (на среднеармянск. яз.).

[121] См. J. F. Krusinski. The History of the revolution of Persia. London, 1798, t. II, p. 52.

[122] Об этом см. Захарий Саркаваг. История, Вагаршапат, 1871, стр. 78 (на среднеармянск. яз.); З. Акулеци. Указ. соч., стр. 40.

[123] См. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 89.

[124] Захарий Саркаваг. Указ. соч., стр. 131.

[125] См. Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т. I, Тегеран, 1956, стр. 308

[126] См. R. du Mans. Estat de la Perse en 1660, Paris, 1890, pp. 186—215.

Вопрос об организации ремесленников до сих пор полностью не разрешен. Лучшей работой на эту тему продолжает до сих пор оставаться монография С. Егиазарова [127].

Что касается цехов в городах Азербайджана, то исследований об этом вообще нет, так как нет источников по данному вопросу. До сих пор можно считать неустановленным само существование ремесленных организаций в городах Северного Азербайджана. В последней статье по ремесленным цехам Азербайджана [128] автор ее, Ф. Алиев, высказал мнение о существовании ремесленных корпораций в городах Северного Азербайджана во второй половине XVIII в., но в сущности не привел никаких конкретных доказательств этого положения.

Что касается городов Южного Азербайджана, то в нашем распоряжении имеются конкретные данные о существовании в них цехов. Так, А. Олеарий в описании г. Ардебиля указывает, что в Ардебиле по обеим сторонам майдана находятся лавки, «в которых работают ремесленники каждого цеха особо» [129]. О цехах в городах Южного Азербайджана имеются сведения и в более поздних источниках [130]. Можно предположить, что к городам Южного Азербайджана относятся в полной мере упоминания о цехах ремесленников — «эснафах» Кызылбашской державы XVII—XVIII вв. Интересным поэтому является выяснение их особенностей и социальной сущности. О наличии ремесленных цехов в городах Кызылбашского государства говорят многие источники [131]. Однако еще Шарден, которому мы обязаны наиболее подробными сведениями о них, отмечал, что они «не являются тем не менее цехами в полном смысле слова» [132]. Сравнивая их с ремесленными корпорациями европейских стран, Шарден отмечал, что ремесленники этих цехов, например, никогда не собирались вместе [133], хотя ремесленники одной специальности жили обычно в одном районе [134] и официально существовали особые профессиональные организации, во главе которых стояли особые лица «ришсефиды», «пишвайян» или «кедходайян» [135] (по терминологии источников). В XVII в. они назначались калантаром [136]. Эти цехи (эснафы) не имели никаких сцециальных уставов, по крайней мере, нам ничего о таковых не известно. Какие же функции выполняли эти ремесленные организации и какова была их роль в рассматриваемый период? Анализ источников показывает, что организации эснафов выполняли не столько производственные, сколько административно-налоговые функции. В частности, через них производилось налоговое обложение ремесленников. В XVII — первой половине XVIII в. ремесленники большинства специальностей облагались податью, носившей название «бониче» [137]. От подати освобождались ремесленники таких специальностей,

---

[127] См. С. Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, Городские цехи, ч. II. Казань, 1891.

[128] См. Ф. Алиев. К вопросу о ремесленных организациях в Азербайджане во второй половине XVIII в., «Изв. АН Аз. ССР», 1957, № 8, стр. 129—142.

[129] См. А. Олеарий. Указ. соч., стр. 588.

[130] См. «Подробное описание Персии... и персидских провинций, присоединенных к России», М., 1839, ч. 1, стр. 108.

[131] См. Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т. I, 1956, стр. 102 (о классах, разрядах цехов); R. du Mans. Указ. соч., стр. 30—31; J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 98; «Тазкират-оль-мулук», London, 1943, Gibb Memorial Series. New Series, v. XVI, pp. 80—81.

[132] J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 98.

[133] Там же.

[134] См. R. du Mans. Указ. соч., стр. 30.

[135] Эти термины употребляются в «Тазкират-оль-мулук», стр. 78, 80—81 (перс. текст); Мухаммед Казим. Указ. рук., т. II, л. 26б.

[136] См. «Тазкират-оль-мулук», стр. 76 (перс. текст); J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 98.

[137] См. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 544; R. du Mans. Указ. соч., стр. 30—31, 33; J. Chardin. Voyages en Perse. Amsterdam, 1735, t. III, p. 99; «Тазкират-оль-мулук», стр. 76—77, 80—81 (перс. текст).

как каменщики, столяры и другие, которые взамен должны были работать на шаха или местных правителей, когда те от них этого требовали [138]. Шарден писал, что в его времена эта подать равнялась 10 су с лавки [139]. Возможно, что определенная доля бониче бралась натурой.

Сбором бониче с эснафов ведал калантар города [140]. Кроме бониче и обязательных работ, на цехи падали расходы по содержанию в городах иностранных послов [141]. Наконец, на эснафы могли возлагаться всякого рода периодические расходы по постройке общественных зданий, мостов, источников орошения в городах. Например, в 1070 г.х. (1659—60 г.) при постройке моста в Исфагане часть расходов была возложена на цехи («хамкаран» — синоним эснафов) города [142]. Судя по «Тазкират-оль-мулук», ришсефиды цехов играли большую роль в установлении рыночных цен, которые определялись городской администрацией по соглашению с главами цехов [143]. Ни о какой роли эснафов в регламентации самого производства сведений в источниках мы не находим. Даже мастера важнейших ремесленных специальностей утверждались калантаром и нагибом города [144]. В целом же, говоря о самом ремесленном производстве, нам кажется, можно признать, что в сущности организации самого производства и ремесленники, организованные в цехи, и ремесленники, не входившие в эснафы (такое положение, нам кажется, существовало в городах Северного Азербайджана), мало чем отличались друг от друга. Самостоятельный ремесленник-мастер (устад) работал обычно в лавке, как правило, расположенной на рынке. Лавка могла быть собственностью ремесленника или могла сдаваться ему в аренду государством, местными феодалами, светскими и духовными лицами. Ремесленник-лавочник мог работать либо на заказ, либо сам сбывал свои изделия здесь же на рынке.

В случае работы по заказу ремесленники обычно на закупку сырья брали у заказчика деньги, которые назывались «харджи» [145].

Каждый ремесленник-мастер мог брать себе одного или нескольких учеников («шагирд»). В условиях отсутствия строгого цехового режима и большой свободы ремесла отношения между мастером и учеником устанавливались по их взаимному соглашению. Ученик получал плату в течение всего периода своего обучения ремеслу; он мог в любое время расторгнуть договор, но и мастер мог при желании прогнать его [146]. Практически, конечно, ученик во многом зависел от мастера — особенно это проявлялось в тех случаях, когда в ученики отдавались дети или несовершеннолетние, как правило, их родителями. Отсутствие строгой цеховой регламентации проявлялось и в том, что ремесленники не были строго ограничены в производстве одного какого-либо товара. Например, ремесленник, делающий котлы, мог взяться за изготовление тазов [147].

В несколько ином положении находились армянские ремесленники. Возникновение и корни армянских цеховых организаций следует искать в армянском феодализме XI — XIII вв. И в период позднего сред-

---

[138] См. J. Tavernier, Указ. соч., стр. 544; J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 99.

[139] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 346.

[140] См. «Тазкират-оль-мулук», стр. 76, 77 (перс. текст).

[141] См. R. du Mans. Указ. соч., стр. 30, 31. Эти расходы именовались «хавадис» — случайные расходы. Интересно, что дю Ман в данном случае различает ремесленников, организованных в цехи, от ремесленников вне цехов.

[142] См. Мухаммед Тахир Вахид. Указ. соч., стр. 260 (перс. текст).

[143] См. «Тазкират-оль-мулук», стр. 80.

[144] Там же, стр. 81 (перс. текст).

[145] См. R. du Mans. Указ. соч., стр 31.

[146] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 99; Salmon und Goch. Die heutige Historie und Geographie oder der gegenwartige Staat von Königreich Persien, L., 1738, S. 74—75.

[147] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 98.

невековья в городах Армении мы видим большинство армянских ремесленников, организованных в ремесленные корпорации, носившие названия «хамкарутюн» («амкарство») [148].

Одно из основных отличий и особенностей армянских амкарств состояло в том, что они были более оформленными организациями, нежели эснафы Азербайджана и Ирана. Это оформление нашло свое отражение в том, что армянские амкарства имели свои письменные статуты, уставы. Они напоминали европейские цехи.

Во главе армянских амкарств стояли «устабаши», которые избирались ремесленниками своего цеха [149]. Устабаши обладали большими полномочиями в своем цехе. Например, устабаши разрешал все тяжбы между ремесленниками своего амкарства, стоимость которых не превышала 2 туманов,— в противном случае спор разрешался городским судьей [150]. Особенностью армянских амкарств являлось также и то, что они регулировали производство ремесленников [151].

В составе амкарств имелись полноправные мастера — «устад», или «варпет», подмастерья — «халифа» и ученики — «ашакерт». Ремесленные уставы определяли права и взаимоотношения между ними. Ученик мог стать в зависимости от своей квалификации как ремесленника и главным образом от желания мастеров цеха либо мастером, либо халифой [152].

В функции армянских амкарств, так же как и в функции иранских эснафов, входило регулирование и контроль за налоговым обложением ремесленников. Амкарство являлось посредником между правительственной и городской администрацией и ремесленником. Сохранение амкарств и эснафов было в интересах центрального правительства и местных феодалов, поскольку оно значительно упрощало налоговую и административную организацию городского населения. Главы амкарств и часть мастеров были тесно связаны с крупным купечеством и городскими феодалами и помогали последним держать в повиновении городские низы. Мастера могли приобретать на правах мулька земельные владения даже вне пределов города. В архиве Матенадарана сохранилась купчая от 1066 г. х. (1655 г.) о продаже в Ереване мастером («уста») эчмиадзинскому престолу за 7 туманов части села Ошакан Ереванской области [153]. Другой документ о такого же рода операции, относящейся к Акулису, датирован 1799 г. [154].

Социально-экономическая роль амкарств в данный период не была прогрессивной. В позднее средневековье цехи являлись организацией пережиточной, сковывавшей в своих тесных рамках развитие производства. Характерно, что наиболее развитые в XVII — XVIII вв. виды ремесел, такие, как ткачество, производство бархата, не были связаны с амкарствами.

После прекращения длительных и разрушительных войн на территории Закавказья со второй трети XVII в. наступившие мир и относительное спокойствие экономической жизни способствовали подъему и росту производительных сил страны. В целом хозяйство еще в значительной степени оставалось натуральным. Это проявлялось в том, что подати взыскивались в значительной степени натурой, продуктами ремесла, скотоводства и земледелия. В сельскохозяйственных районах налоги платились главным образом хлебом, шелком, хлопком, причем

---

[148] Об армянских амкарствах см. В. А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 233—250.
[149] В. А. Абрамян. Указ. сб. док., стр. 253. Приложение. Устав ремесленников XVIII в. (древнеармянск. текст).
[150] Там же.
[151] Там же, стр. 254.
[152] Там же.
[153] См. Матенадаран, архив католикоса, 1а, № 100.
[154] Там же, 1, № 545.

два последних продукта собирались в основном натурой ввиду их большого экспортного значения.

В XVII в. местные правители (в том числе и закавказские) определенную часть доходов с области высылали натурой в Исфаган [155]. При дворе шаха и местных беглярбеков в XVII в. существовали большие мастерские, называвшиеся «кархане».

Кархане не были чем-либо новым, свойственным лишь этому периоду явлением. Подобные мастерские имелись еще в странах арабского халифата, а позднее в Хулагуидском Иране [156]. Они возникли в условиях господства натурального хозяйства, когда шахи и крупные феодалы, не имея возможности приобрести на рынке все нужные им предметы, получали их из такого рода мастерских. И в XVII в. экономическая сущность этого института сохранилась, с той лишь разницей, что вместо принудительного, рабского труда, на эксплуатации которого были основаны кархане более раннего периода, в мастерских использовался труд свободных ремесленников, находившихся в привилегированном положении и получавших плату частично деньгами, частично натурой [157]. Не случайно, что во второй половине XVII в. с наметившимися некоторыми элементами разложения натурального хозяйства и ростом внутреннего рынка этот институт стал изживать себя. Например, сократилось количество шахских кархане за счет того, что дворцовое ведомство стало находить более выгодным заказывать изготовление шелковых материй в соседних с Исфаганом деревнях крестьянам, снабжая их нитками и шелком и оплачивая труд [158].

Такого же рода производство, которое по типу своему приближается к рассеянной мануфактуре, было в XVII в. и в Азербайджане и Армении. В городах Азербайджана и Восточной Армении в XVII в. особое развитие получило производство различных товаров, шедших главным образом на внешний рынок. Тебриз, например, славился своими хлопчатобумажными, шелковыми и золотыми тканями и лучшими на Востоке тюрбанами [159]. Большой удельный вес в товарообороте Тебриза занимала парча, которая вырабатывалась в этом городе. Существовало много сортов и разновидностей шелковых тканей и парчи [160]. Сырье поставлялось из соседних областей (хлопок из Армении, Карабаха и других районов Азербайджана, шелк из Гиляна и Ширвана). Во второй половине XVII в. Тебриз потреблял для своего производства до 6000 тюков шелка [161].

Производством шелковых тканей славились Шемаха, Ганджа и другие города. В текстильном производстве появились отдельные элементы разделения труда. Так, при производстве одного из сортов парчи участвовали в процессе его изготовления 5—6 человек [162].

В XVII в. в городах появляются крупные мастерские типа простейшей мануфактуры. Европейские и русские источники именуют их обычно «фабриками», или «мануфактурами» [163]. Правда, ни один источник XVII—XVIII вв. не дает нам точного представления о том, что они представляли собой, но уже из самого употребления в отношении их вышеуказанных терминов по аналогии с тем, что подразумевалось под таковы-

[155] См. E. Kaempfer. Указ. соч., стр. 137.

[156] См. И. П. Петрушевский. Феодальное хозяйство Рашид-ад-дина. «Вопросы истории», 1951, № 4, стр. 87—104; А. Али-Заде. Указ. соч., стр. 47.

[157] О кархане в XVII в см. P. della Valle. Voyages dans la Turquie, l'Egypte, la Palestine, la Perse, Paris, 1745, t. III, pp. 197—198; J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. VII, p. 329; «Тазкират-оль-мулук», гл. III.

[158] J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. VII, p. 330.

[159] О производстве Тебриза см. J. Tavernier. Указ. соч., стр. 47. «Der allerneueste Staat von Casan. Astrakan. Georgien, und vieler andern», Nürnberg, 1723, S. 314.

[160] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 119.

[161] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Paris, 1811, t. II, pp. 327—328.

[162] См. J. Chardin. Voyages en Perse, Amsterdam, 1735, t. III, p. 119.

[163] См., например, P. Sanson. Указ. соч., стр. 161; С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 101—102.

ми в Западной Европе и России, мы можем предположить, что это были предприятия мануфактурного типа. Кроме того, в нашем распоряжении имеются сведения начала XIX в., дающие понятие о внутренней структуре заведений этого типа. Это были небольшие заведения на 1—2 ткацких станка с 4—5 рабочими при станке, каждый из которых выполнял особую производственную операцию [164]. Подобного рода предприятия, судя по данным источников, имелись в большинстве крупных городов Закавказья, наиболее важными центрами их были города Тебриз и Шемаха. Шемаха, пережив страшное нашествие полчищ Надир-шаха, когда сам город был разрушен до основания и перенесен на другое место, возродила свою шелкоткацкую промышленность, основа которой еще с начала XVII в. черпалась из местной домашней промышленности, широко распространенной во многих районах страны [165]. Из Тебриза прибыли в Шемаху до 100 лучших специалистов-ремесленников («фабрикантов»), которые оказали помощь в восстановлении былой славы города как центра шелковой промышленности [166]. Но на этот раз Шемаха пострадала от феодальных усобиц, которые и во второй половине XVIII в. наносили большой ущерб экономике страны. Когда известный Фатали-хан кубинский овладел Шемахой с помощью шекинского хана, то его политика там привела к резкому упадку шелкоткачества и даже упомянутые тебризские ткачи покинули город [167]. В конце XVIII в. на первое место в Северном Азербайджане по производству шелковых тканей вышла Ганджа.

Как известно, наибольший подъем экономики в рассматриваемый период мы наблюдаем во второй половине XVII в. На это же время падает наибольшее развитие торговых связей и внутри страны. Можно сказать, что в XVII в. для многих районов выработалась определенная специализация в производстве тех или иных культур. Так, лучший хлопок производился в Гандже, Хое, Шемахе, Ереванской области [168], во многих районах Южного Азербайджана, в Карабахе и Шемахе выращивались различные сорта винограда, из которого делались вина [169]. Отличный рис, славившийся по всему Азербайджану, выращивался в округе г. Чорса [170] и т. д. В середине XVII в. рынки имелись не только в городах, но и во всех крупных селениях [171]. Однако городские рынки, которых в больших городах имелось несколько, служили в XVII в. центрами экономической жизни своего округа и области.

В первой половине XVIII в. наблюдается, главным образом в итоге внешних причин, упадок экономики страны, выразившийся в разорении городов и в некоторой степени в натурализации хозяйства.

Если источники XVII — XVIII вв. очень немногое говорят конкретно о всех вышеупомянутых слоях городского населения, то о низших слоях городского общества сведений, можно сказать, вообще нет. Не будем здесь специально останавливаться на крестьянстве, составлявшем значительный процент населения городов, поскольку конкретных данных о положении крестьян в городах нет, в отношении же общего положения крестьянства в XVII—XVIII вв. можно сослаться на имеющиеся исследования, лучшими из которых являются упомянутая монография И. П. Петрушевского и диссертация А. Папазяна [172].

---

[164] См. В. С. Легкобытов. Обозрение российских владений за Кавказом, СПб., 1832—1836 гг., т. III, стр. 110—112.

[165] См. А. Олеарий. Указ. соч., стр. 738.

[166] См. С. Г. Гмелин. Указ. соч., стр. 101, 102.

[167] Там же.

[168] См. Эвлия Челеби. Указ. соч., т. II, стр. 277, 278, 296.

[169] Там же, стр. 241, 297.

[170] Там же, стр. 278.

[171] Там же, стр. 236—310.

[172] А. Папазян. Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII в. (канд. дис.), Ереван, 1954 (на арм. яз.).

Кроме крестьянства, т. е. той части населения, которая тесно связана с земледелием, в городах имелись и другие категории населения, которые источники именуют «аджамирэ» и «оубаш», буквально чернь, подонки общества [173], «зо'афа», слабые [174]. В обычное время, как можно предполагать из отдельных высказываний источников, эта часть населения работала поденщиками на виноградниках, полях, в садах феодалов, духовенства, купцов [175]. Они же вместе с крестьянами и ремесленниками использовались на больших оросительных и оборонительных работах. О числе их можно судить по такому факту, относящемуся, правда, к Западной Армении. В 1561 г. потребовалось провести воду к виноградникам г. Вана. Из г. Вана на эти работы было согнано 8000 поденщиков, «сарак» [176].

В тяжелые годы, особенно в голодные, в городах скапливалось большое число беженцев из голодных мест. Так, во время сильного голода 1673 г. в Акулисе скопилось столько нищих, что городская администрация специально назначала людей, чтобы выгонять их из города. Но скопление беженцев было очень на руку зажиточным слоям населения, которые заставляли доведенных до отчаяния людей работать на них совершенно бесплатно [177].

Сделаем краткие выводы.

1) В XVII — первой половине XVIII в. в Азербайджане и Восточной Армении существовало около 40 городов.

2) Особенностью экономики городов являлся значительный удельный вес сельского хозяйства.

3) Отличительной особенностью городов от поселений сельского типа было наличие в них развитого ремесла, а также и роль их в качестве экономического (торгового и ремесленного) центра своего района, округи, области.

4) Ремесло было двух типов — цеховое и свободное (внецеховое). Свободное ремесло было более способно к развитию и служило основой для роста промышленности.

5) Рост производительных сил в XVII в., наметившиеся в определенной степени элементы разложения натурального хозяйства (проявившиеся в упадке роли кархане, в определенной отраслевой специализации районов, росте местных рынков) привели к появлению в этот период предприятий элементарно мануфактурного типа.

6) В целом же на протяжении рассматриваемого периода сохранилось экономическое и политическое господство феодалов (светских и духовных) над городом, полуаграрный характер самих городов и господство военно-землевладельческой знати в стране.

7) Купечество городов было тесно связано с господствовавшим феодальным способом производства и классом феодалов как по формам своего участия в товарообмене, так и по способам эксплуатации непосредственных производителей.

8) Внешняя торговля в XVII—XVIII вв. определялась в основном товарами, производившимися внутри страны. Наблюдается непрерывный рост экономических (торговых) связей с Россией.

---

[173] Об этом см. Искандер Мунши. Тарих-е алам ара, т. I, Тегеран, 1956—1957, стр. 72, 117, 310.

[174] Там же, стр. 254.

[175] Например, Захарий Акулеци писал, что он использовал при обработке своего виноградника 2000 рабочих в течение 5 лет, см. З. Акулеци. Указ. соч., стр. 95.

[176] «Архив армянской истории», Тифлис, 1912, т. 10, стр. 123 (среднеармянск. текст).

[177] Там же, стр. 94.